

## Памяти Бориса Зингермана

*Независимая газета, - 2000  
- 21 нояб. - № 16*

**В**ЧЕРА в Москве простились с Борисом Зингерманом, крупнейшим в России историком драматургии и театра. Он умер в четверг после тяжелого инфаркта на 73-м году жизни. Борис Зингерман был учеником Алексея Живелегова, выпускником театроведческого факультета ГИТИСа, многие десятилетия проработал в Государственном институте искусствознания, долгие годы вел деятельность консультанта режиссёра Юрия Любимова, в значительной мере определяя творческую политику Театра на Таганке. Трудно найти другого столь же глубокого и фундаментального специалиста по зарубежному театру, который бы пользовался таким же совершенно безоговорочным авторитетом в своей научной среде. Он был талантливым организатором науки, составителем и, хочется сказать, вдохновителем сборников-альманахов «Мир искусства», «Западное искусство. XX век», объединяющих незаурядные научные статьи.

Просто назвать Зингермана

театроведом — значит сузить масштаб его дарования. В своих статьях и в книгах «Жан Вилар и другие», «Очерки драмы XX века», «Парижская школа», «Театр Чехова и его мировое значение» Борис Зингерман создавал портреты исторических эпох и поколений — он не только писал историю эстетических направлений, но и историю жизни людей, отраженную в искусстве. Стремление улавливать в любой художественной форме движения человеческой души и веяния времени — в этом состояла универсальная методология Зингермана. Поэтому он с одинаковой чуткостью писал о Метерлинке и Чехове, о Чаплине и Хемингуэе, о Брехте и Достоевском, о Пикассо и Герцене. Зингерман удивительно тонко понимал своеобразие западной культуры, всегда ощущая с нею внутреннюю духовную связь. Борис Зингерман обладал и фантастическим даром предвидения. Вспоминая сейчас его замечания о развитии театра, нельзя не изумиться той проницательности, с какой он еще в конце 80-х

предвидел многие современные тенденции. У Зингермана не бывало творческих кризисов. Как только он создавал эстетическую концепцию, оказывалось, что это новый взгляд на мироздание. Он умел создать вокруг себя атмосферу «обаятельной науки», которая пользуется очень простым языком при минимуме терминов, — при этом постоянно пополняя и совершенствуя пространство гуманитарного знания. В последние годы Зингерман работал, преодолевая болезни. Но находил мужество и силы подбадривать младших коллег. Он умел черпать жизнелюбие в самом искусстве и дарить искусству незаурядный масштаб своей личности. Научные тексты Зингермана всегда были насыщены драматической энергией. В них чувствовался нерв человека, переживающего все противоречия бытия вместе с персонажами и их авторами. Смерть Бориса Зингермана многих застала врасплох — так мало он сам ассоциировался с угасанием жизни.